

# Символизм, род недуга

На выставке в Русском музее зрители могут вволю насладиться лунными пейзажами, черепами и печальными женщинами

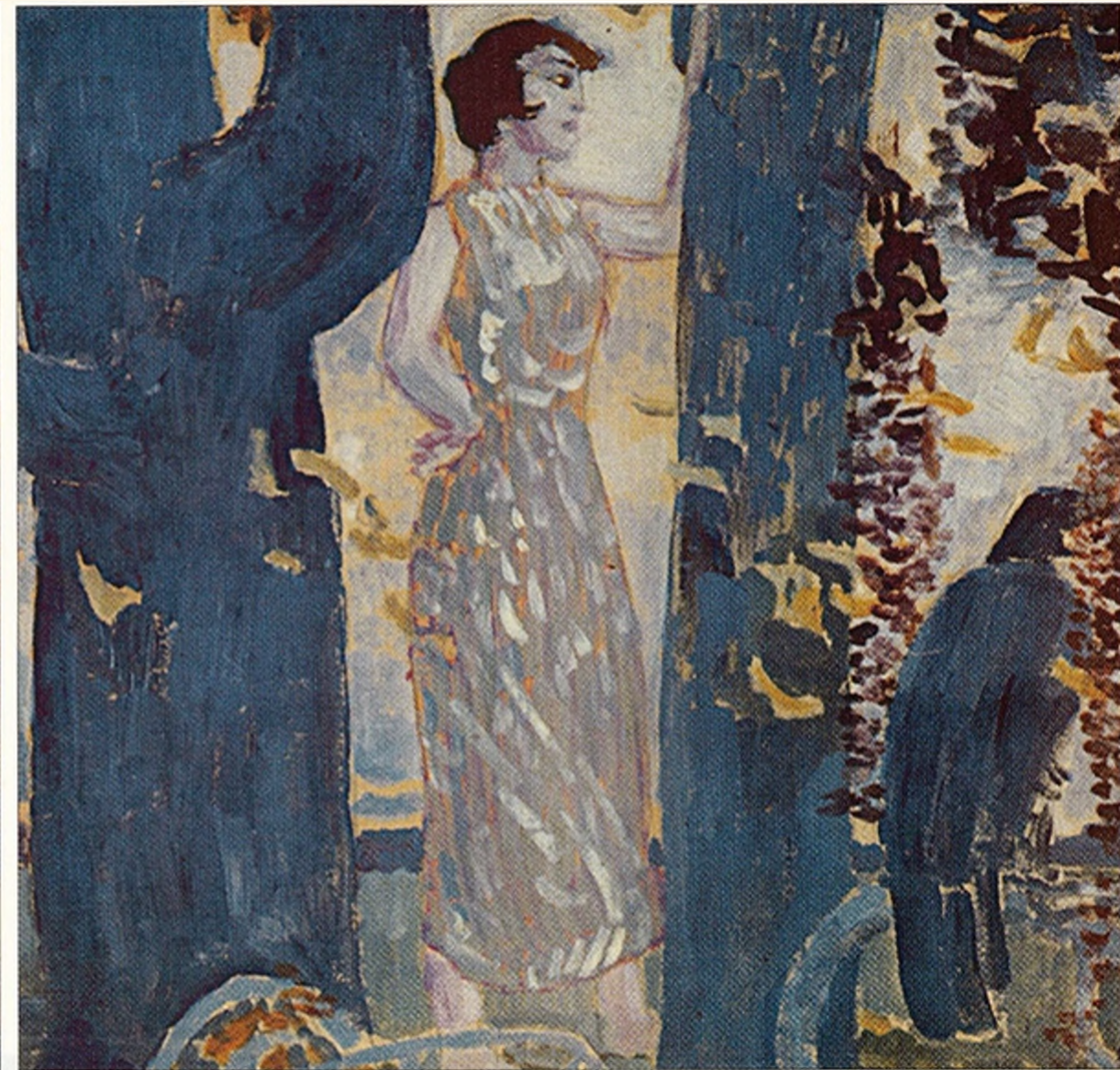
Николай Молок

## ПРОЕКТЫ

Выставка «Символизм в России» — третий из серии амбициозных проектов петербургского Русского музея, посвященных важным этапам развития отечественного искусства (две первые выставки, «Агитация за счастье» и «Романтизм в России»,

прошли в 1995 — 1996 годах, готовятся и четвертая — «Русский классицизм»). На выставке представлено 350 произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства: от «Богоматери над телом Спасителя» Павла Жуковского (1876) до «Судьбы» Василия Чекрыгина (1922). Но большинство экспонатов относится все же к 1900-м годам.

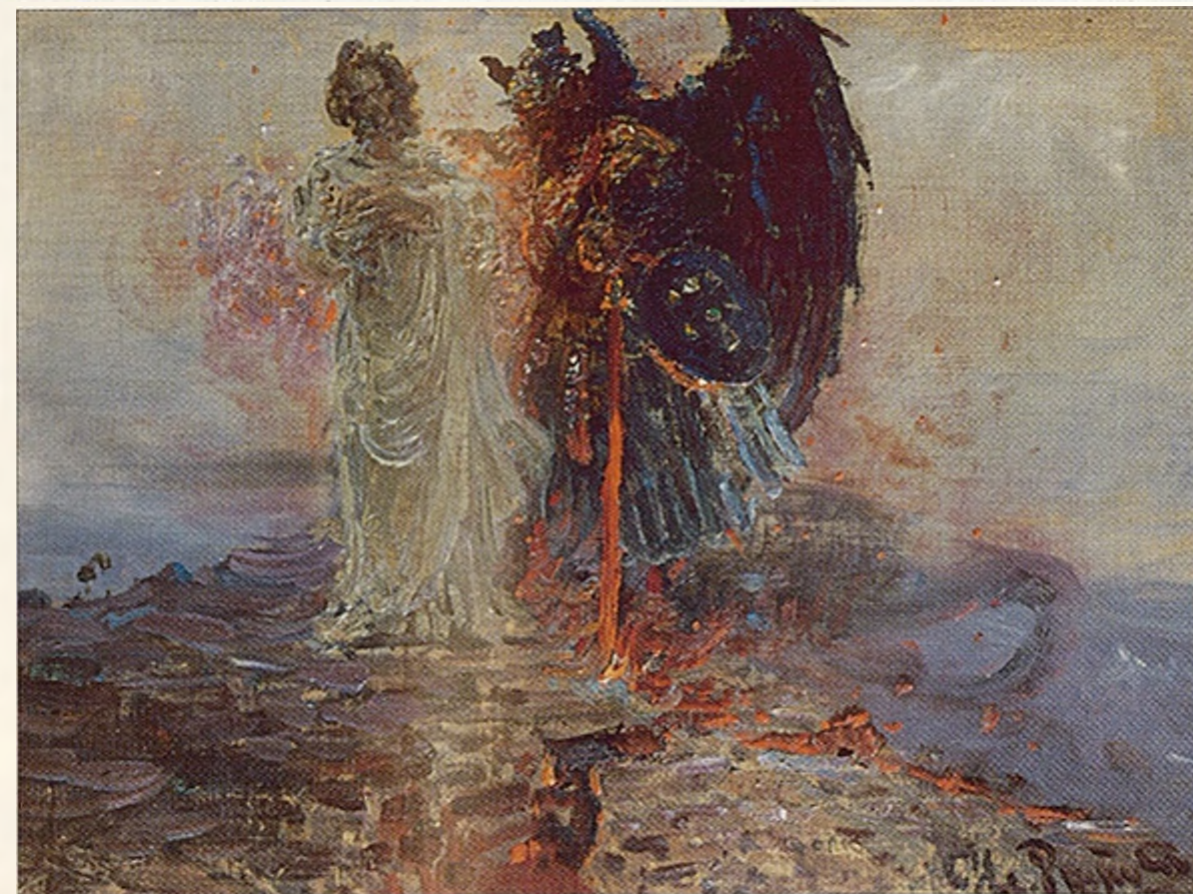
В отличие от двух предыдущих выставок, в экспозиции которых были включены романтические интерьеры с обоями в цветочек или советская танцплощадка с буфетом, организаторы «Символизма» ограничились только развеской картин и рисунков. К выставке выпущен роскошный каталог-альбом в синем «символистском» переплете (в противоположность красным обложкам «Агитации» и «Романтизма»).



ПАВЕЛ ЖУКОВСКИЙ.  
ПАМЯТИ БЕКЛИНА. НАЧАЛО 1900-Х

ВИКТОР ЗАМИРАЙЛО.  
ОСЕНЬ. РАЗМЫШЛЕНИЕ. 1906

ИЛЬЯ РЕПИН.  
ИДИ ЗА МНОЮ, САТАНО. 1895 (?)



В новогоднюю ночь из Москвы исчез Врубель. Одиноким болтающимся веревочки на стенах его зала в Третьяковской галерее стали первым в новом году фактом художественной жизни столицы. Оказывается, картины, висевшие на этих веревочках, отправлены в большое зарубежное турне.

А чтобы посмотреть на Врубеля и его современников, стоит съездить в Петербург, где в корпусе Бенуа Русского музея открыта выставка «Символизм в России». Безусловное достоинство этой выставки в том, что на ней показаны работы, извлеченные из огромных запасников Русского музея. Основной объем экспозиции составляют не самые известные произ-

ведения Борисова-Мусатова, Врубеля, Петрова-Водкина, Рериха, Бенуа, Добужинского, а также работы «малых» символистов, чьи имена сегодня почти забыты: Виктора Замирайло, Николая Калмакова, Василия Денисова, Константина Богаевского. Самая заметная (в основном благодаря своим гигантским размерам — 2 на 4 м) картина на выставке — «Рождение Венеры» Николая Милиоти. В экспозицию включено и несколько хрестоматийных вещей, но в большинстве своем они остались в постоянной экспозиции русского искусства рубежа веков, расположенной в соседних залах корпуса Бенуа.

Отсутствие на выставке шедевров компенсировалось ее представительностью. Да и символизм гораздо более откровенен в главных вещах. В них он сразу бросается в глаза и значительно легче поддается систематизации. Вот черт, вот спящий мальчик, а вот фантастический пейзаж... Достаточно прочитать названия картин: «Змий» (Елены Поленовой), «Кашей» (Сергея Малютина), «Страх» (Марии Якунчиковой), «Ведьма» (Виктора Замирайло), «Жертва» (Микалоюса Чюрлениса), не говоря уже о «Зловещих» (Николая Рериха) и «Древнем ужасе» (Льва Бакста). И не нужно





СЕРГЕЙ ЧЕХОНИН. ВОЛЧОНОК. 1913

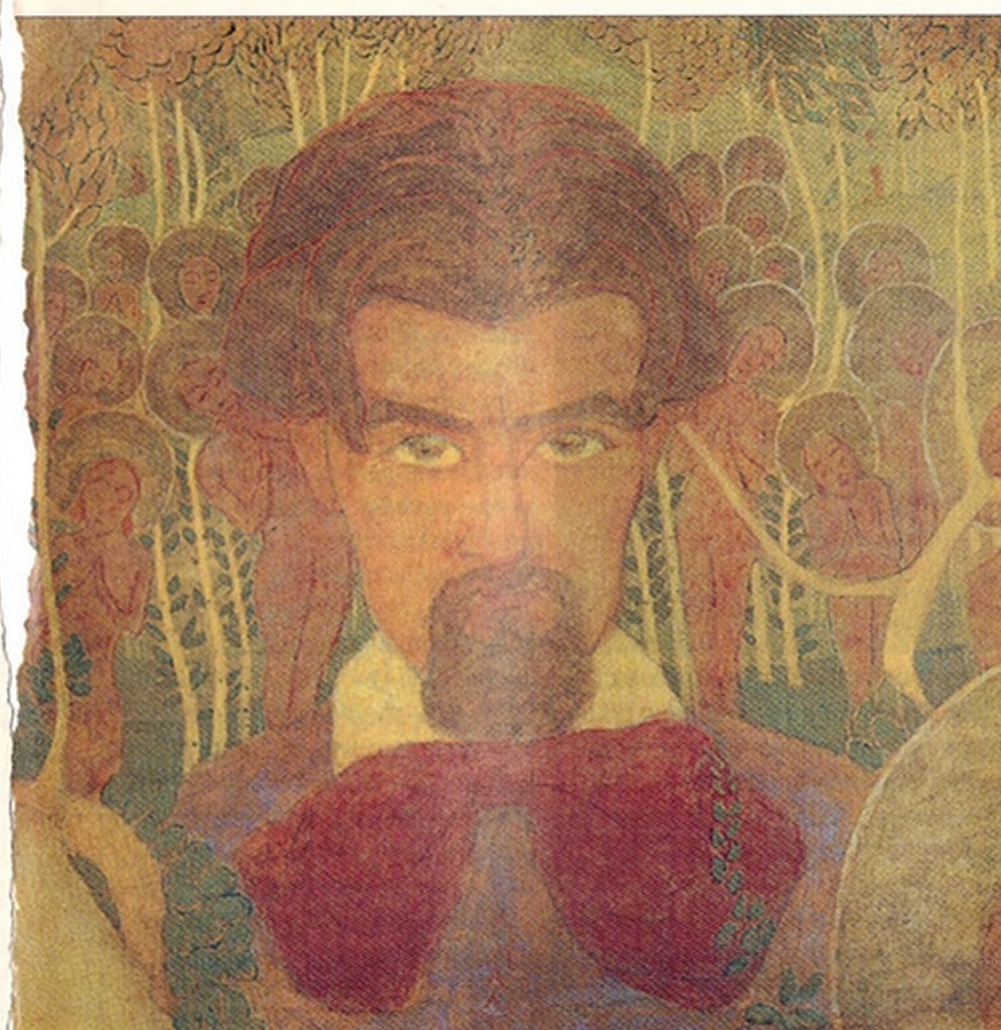
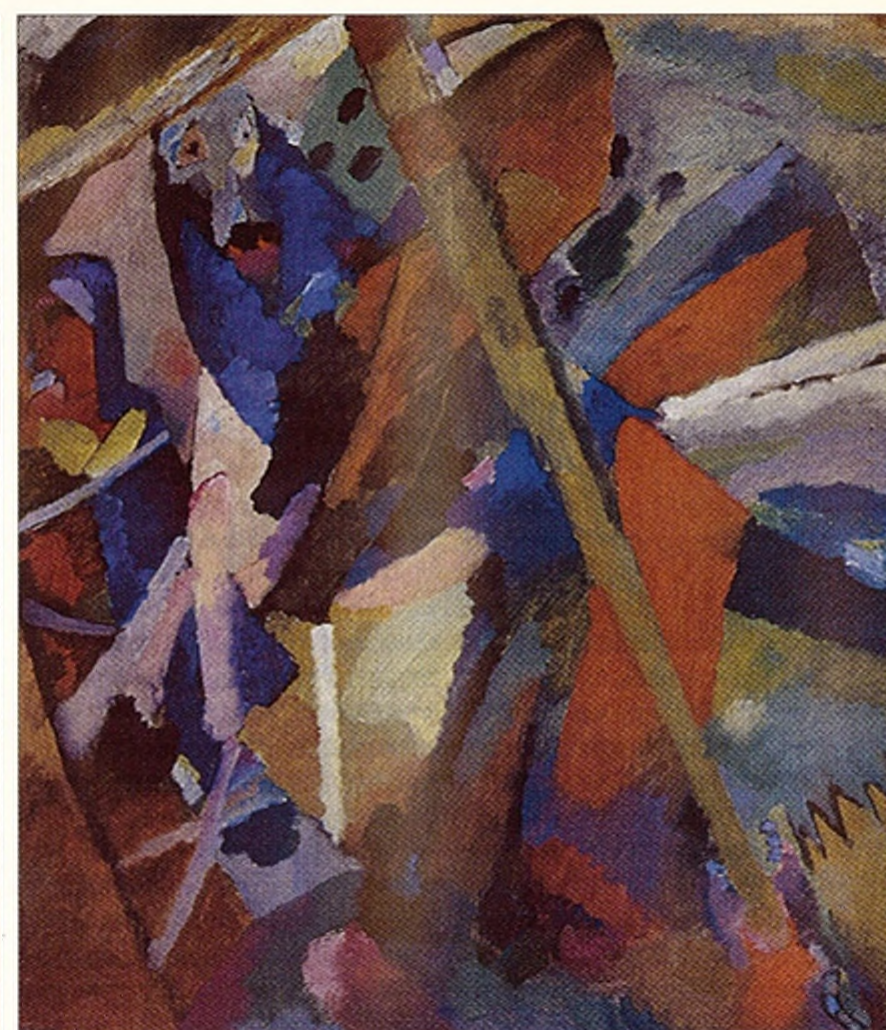
МИХАИЛОС ЧЮРЛЕНИС. ЖЕРТВА. 1900



искать в каталоге? Но в каталоге принадлежность того или иного произведения к символизму определяется не искусствоведением художников, а вторичным с точки зрения изобразительного искусства признаком — литературными сюжетами, в которых можно усмотреть хоть малейший намек на символизм: все те же демоны, спящие юноши, роковые женщины, религиозные сцены, фантастические пейзажи. Тематический принцип был положен и в основу развески выставки, но то и дело нарушался — сны путаются с реальными пейзажами, а женские образы — с демонами.

Владимир Круглов, автор вступительной статьи к каталогу, описывает картины исключительно с помощью эмоциональных определений. Врубель именуется здесь «классическим символизмом, сделавшим символизм образом своей жизни». А почему, собственно? Да потому, что его картины «отмечены высоким горением духа». Это несомненно, но едва ли проясняет суть дела. Из каталога можно узнать, что картина Саврасова «Грачи прилетели» (поздний вариант) «чертами хрупкой нежности и своеобразной стилизации» предвосхищает символизм. Не терпится добавить, что грачи потенциально тяготеют к воронам, а ворон, как известно, птица зловещая (см. картину Рериха).

Саврасовских «Грачей» на выставке все же нет, зато есть «Сумерки» и «Закат» Архипа Куинджи — картины, конечно, эффектные и «полные таинственности» (сказано в каталоге), но именно реалистичные, даже натурали-

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ. АВТОПОРТРЕТ. 1907  
ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ. 1911

стичные, а вовсе не символистские. Общеизвестный факт, что у Куинджи учились многие символисты (в частности, все тот же Рерих), еще не обеспечивает ему места на выставке.

В символисты записаны и Репин с Левитаном, и Филонов с Шагалом. Основание тому — их «предрасположенность» к символизму. Видимо, символизм представляется авторам выставки некой заразной болезнью, которой раньше или позже переболели все русские художники рубежа веков. Репина, например, к символизму «подвела нервная возбудимость и впечатлительная пылкость натуры» (опять цитирую каталог). Филонов, Кандинский и Кульбин символисты потому, что они — «художники-визионеры, провозвестники ими лично увиденного». Ранние произведения Малевича «густо замешаны на фольклоре». Тоже символизм. Картина Шагала «Зеркало» (кстати, по ошибке воспроизведенная в каталоге именно зеркально) «пронизана метафоричностью». Опять символизм. В «Синем гребне» Кандинского художник «мыслит космическими масштабами». Символизм.

А вот пепельница в виде головы то ли демона, то ли ангела. Чем не символизм? Или диван, на котором, наверное, любил сжигать какой-нибудь символист, погрузившись в свои символические думы. Но ведь зритель-то не присядет и не ощутит всей символической мягкости диванных подушек. Вообще присутствие на выставке предметов декоративного искусства и мебели представляется по меньшей мере спорным: ведь символизм вроде бы тяготился реальностью и бытом. Если пепельницы и диваны символичны, то что тогда символизмом не является?

Всем этим казусам можно найти вполне

прозаическое объяснение: символизм — модное слово в искусствоведческой среде. Если на Западе аналогичные выставки прошли в 70-е годы, то в Советском Союзе тогда о символизме предпочитали не говорить. Теперь слово «символизм» реабилитировано. То, что привычно именовалось неоклассикой, «стилем модерн» и «русским стилем», нынче переименовывается в символизм. Не только романтики, но и передвижники объявляются предшественниками символистов, а авангардисты и все прочие — их последователями. Не так уж и давно мы наконец смогли оценить усилия художников русского авангарда, преодолевших символизм и создавших абстракцию. Сегодня, напротив, в цене их символистское прошлое.

Мало того, символизм теперь понимается вовсе не как направление в русской культуре рубежа веков, а как национальная особенность русского характера. В России символично все: грезы помещиков, религиозность крестьян, демонизм русского фольклора... Символично и всякое произведение русского искусства. Идеальная выставка под названием «Символизм в России» должна была бы начинаться, наверное, с икон, а заканчиваться современной живописью, скажем, фантастическими архитектурными пейзажами Валерия Кошлякова.

Вот и авторы выставки в Русском музее глубоко убеждены в том, что символизм не был принесен в Россию из Парижа или Мюнхена, но стал «результатом логики развития отечественной культуры в определенный момент ее эволюции». Видимо, по этой самой логике на

выставке и оказалось так много «русского стиля». Для пущего подтверждения самобытности русского символизма на пригласительном билете (и в каталоге) картина Павла Жуковского воспроизведена лишь фрагментарно: немаловажная часть произведения — надпись «Памяти Беклина» — срезана.

Между тем само применение термина «символизм» к изобразительному искусству уязвимо. Русские художники в отличие от поэтов никогда не называли себя символистами и не писали символистских манифестов. Современное искусствоведение вывело абсолютно точную формулу: «Модерн это стиль, а символизм — эстетическая концепция». Символизм в русской живописи, определение его хронологических границ действительно требуют серьезного разговора. Однако выставка в Русском музее такого разговора не предполагает. О символистской живописи едва ли можно говорить без учета символистского опыта смежных искусств — литературы, архитектуры, театра. А они на выставке вообще не представлены, даже в портретах: таких, например, как знаменитый альтмановский портрет Анны Ахматовой, который, кстати, хранится в собрании Русского музея. Зато доверчивые зрители, давно привыкшие к разного рода сонникам, гороскопам и гаданиям, могут вволю насладиться лунными пейзажами, черепами и пепельницами женщинами. Не зря рецензент петербургской газеты «Смена» написал, что выставка получилась «очень душевная».

И все же хорошо бы «Символизм» приехал в Москву. Тем более что в Третьяковке есть свободные веревочки.

Санкт-Петербург